

М.И. Мирошниченко

Челябинск

**ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ УРАЛА
В 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

В статье охарактеризованы условия проживания в «городках ОГПУ», домах-коммунах, общежитиях, бараках, особенности организации ведения домашнего хозяйства, их соответствие господствовавшим идеям нового коммунального быта.

Ключевые слова: жилищное строительство, дома-коммуны, домашнее хозяйство

M.I. Miroshnichenko

Chelyabinsk

**HOUSING CONDITIONS OF THE POPULATION OF CITIES OF THE
URALS IN THE 1920S AND THE FIRST HALF OF THE 1930S.**

Abstract: the article described the different types of living conditions of women, representatives of various social strata, showing accommodation in "OGPU township" luxury apartments, in home-communes, in the social behaviors, in the barracks, especially the organization of housework. The author has shown any of their respective ideas of the new communal mode of life.

Keywords: women, housing, communal housing, household

Поворот от социальной к культурной истории поставил в центр исследовательского интереса конкретного человека, его повседневную жизнь. Жилье выступает важнейшим системным бытообразующим элементом. Интерес к вопросам быта как в стране в целом, так и на Урале в 1920-е гг. активно подпитывался представлениями о новом коммунальном устройстве сферы домашнего хозяйства.

В 1920-е гг. советские архитекторы решали проблему способа расселения, разрабатывая новый тип коммунального дома, при планировке квартир – новую структуру типовых «жилых ячеек». В качестве опытных, показательных возводились «дома-коммуны». Для массового строительства рекомендовались дома с индивидуальными квартирами и полным коммунальным обслуживанием, а также дома переходного типа – секционные дома с большими квартирами-общежитиями для покомнатного заселения, с местами общественного питания, прачечными, с детскими садами, яслями. Такие дома были построены, например, в Свердловске (жилой дом по проекту М.Я. Гинзбурга на улице Малышева-Хохрякова, жилые дома №52, №54 по проспекту Ленина).

Уже к 1930 г. идея домов-коммун подверглась критике с позиций социальной гигиены: в них комнаты, трактуемые как жилые кабины, предназначались только для сна, имели объем 12-15 м³ и зачастую не

обладали дневным освещением. Не был продуман проект дома-коммуны для рабочих Лысьвы. В нем кормящая мать в течение суток должна была проходить до 4 км по лабиринту зданий от своей кабины до детского сектора и обратно, дети жильцов дома-коммуны тесно перемешивались с другими городскими детьми, детский сектор был решен в виде общих спален, удваивавших угрозу детских инфекций. При этом отсутствовали канализация и водоснабжение. Оценивая фантастическое «проектирование» как маниловщину, а категорический императив идеи обобществления быта как «социализм административного принуждения», врач В.С. Серебренников отмечал такие недостатки проекта социалистического агрогорода Щучье Челябинского округа, где предполагалось строительство замкнутой системы дома-коммуны в масштабе жилого квартала, как сосредоточение камер для проживания стандартного типа в центре, вынесение столовой в особое здание, а детского и культурного сектора – на особые места по краям участка, соединение всех элементов многократными переходами [14, с. 31-32].

Традиционным видом жилья оставались бараки, в которых велся казарменный образ жизни. Они были распространены на новостройках и лесозаготовках. Зыряне на лесозаготовки обычно приезжали с женами, семьями. Женщины-коми (зырянки) на лесозаготовках в Пермском округе вели хозяйство в особицу, в отдельном жилище, которое ставили несколько семей, составлявших артель.

«Зырянский» барак представлял из себя полуземлянку, пол находился ниже уровня почвы, тамбура не было, дверь не превышала высотой 90-100 см. Внутри на земляном полу стояли нары, отстоявшие от пола не выше 40 см, между нарами были набросаны доски. Высота была, как правило, 1,9-2,0 м, иногда 1,8 м, и очень редко 2,1-2,2 м. Потолок из горбинника служил одновременно и крышей, сверху он был засыпан смесью мерзлой земли и хвойных веток, во время топки протекал. В прорезанный в срубе квадрат без рамы вставлялся кусок оконного стекла. Вентиляция осуществлялась за счет плохого конопачения пазов. Световой коэффициент был ниже нормы: 1:60; 1:00. Отоплялось это жилище печкой-«временкой».

Однако когда в Чусовском лесничестве в 1929 г. подобные жилища как не соответствовавшие санитарным нормам были снесены и построены бараки второго типа (без кухни и столовой, но с сушилкой, чуланами, койками, с двойным полом, с высотой помещения не менее 2,5 м, с двойными рамами и не менее, чем с двумя форточками, с плитой с вмазанным кубом и вытяжным колпаком или с чугунной «временкой»), зыряне в новые просторные светлые бараки не пошли [10, с. 71].

Часто семьи рабочих, недавно прибывших на постоянную работу, но не получивших казенного жилья, а также семьи рабочих-сезонников жили в домах казарменного типа, скученно, по несколько семей в одной комнате. Итоги обследований быта населения в квартирах казарменного

типа в заводе Калата Свердловского округа, проведенных санитарно-обследовательским отрядом кафедры гигиены Пермского университета летом 1927 г., показали, что в них были чрезвычайно спертый воздух, грязь, пыль, тучи мух, клопы, тараканы.

В I группе (с долей заработка на члена семьи от 4 до 10 руб.), которую на 100% составляли русские семьи, в состав семьи входило в среднем 6 чел. Во II группе (с доходом на члена семьи от 11 до 15 руб.) у русских состав семьи включал 4,7 чел., у татар – 5 чел. В III группе (с доходом от 16 до 20 руб. на чел.) в русских семьях было по 3 чел., в татарских – по 4 чел. В IV группе (с доходом свыше 20 руб. на члена семьи) семьи русских состояли в среднем из 2,2 чел, татар – из 2,3 чел. В русских семьях I группы мыли пол 2 раза в неделю, во II группе в русских семьях – 2,25 раз, в татарских семьях 1,5 раза; в III группе русские мыли пол 1,5 раза, татары 1 раз в неделю. Подметание пола во всех семьях производилось от 2 до 3 раз в сутки; причем, подметание влажным путем в I группе составило 76%; во II группе в русских семьях – 86%, в татарских – 100%; в семьях III и IV группы, как русских, так и татарских, всегда осуществлялось влажное подметание [5, с. 71].

Жилищем с переходным от казарменного к домашнему типу быта было общежитие. Организовывались общежития для семейных, общежития смешанного типа и специальные женские общежития. Так, в 1923 г. на Государственных асбестовых рудниках Баженовского района после обследования труда и быта работниц было организовано общежитие для семейных работниц¹⁰³.

Строилось и новое жилье. В 1924–1925 гг. в Златоусте было построено 40 многоэтажных домов (44 тыс. м² жилой площади). До этого многие жили в халупах, лачужках, полуподвалах [1, с. 48]. Распространенным, но достаточно дорогим способом решения проблемы с жильем был съем квартиры. Так, в 1927 г. в Златоусте рабочий получал 40 руб., а за частную квартиру требовалось платить 15 руб.¹⁰⁴ Под постоянное жилье на Урале с 1919 г. приспособляли вагоны. При этом к ним пристраивались балконы, подполы, чердаки (в отличие от практики Сибири, где переоборудованный под жилье вагон мог иногда передвигаться, хотя и недалеко) [3, с. 99-100]. Строилось жилье на кооперативных началах. В 1926 г. в Свердловске кооперативом железнодорожников «Пионер» стал застраиваться жилой район Пионерский [13]. Один из крупных проектов «Опыт-строения» в Свердловске, разработанный для жилищной кооперации, предусматривал устройство в подвальном этаже каждого дома по одной хлебо-

¹⁰³ Центр документации общественных организаций Свердловской области. – Ф. 1494. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 3.

¹⁰⁴ Бюллетень №6. VI Уральский областной съезд рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. – Свердловск, 1927.– С. 44.

пекарне и прачечной на каждые 4-8 квартир, но исключал вопросы размещения детского сада и яслей [14, с. 31-32].

Сооружались также такие крупные жилые комплексы, как «городки ОГПУ». «Городок чекистов» в Свердловске (ул. Ленина, 69) строился с 1929 г. В нем, решенном как единый организм, были объединены жилые дома, дом для малосемейных, дом культуры, детский сад, универмаг, кафе [6, с. 392-393]. К 1931 г. в Свердловске был построен комплекс двух жилых домов с садом: «Дом чекистов» (или «Второй Дом Советов») – 11-тиэтажный жилой кирпичный дом с 22-мя огромными 3- и 5-комнатными квартирами индивидуальной планировки площадью 95-118 м², а также 4-7-этажный жилой кирпичный дом с садом на 63 квартиры (ул. 8 Марта, 2), в котором имелись как 1-комнатные (33 м²), так и 5-ти и 7-комнатные квартиры площадью до 180 м². В 1933 г. построен 6-этажный «Дом старых большевиков» с площадью 2-комнатных квартир 84 м², 3-комнатных – 97-98 м² [2, 4]. В квартире № 20 в «Доме чекистов» жила семья командующего войсками Уральского военного округа И. Я. Гарькавого; в квартире № 21 – семья чекиста Освальда Яковлевича Нодева; в квартире № 22 – семья первого секретаря обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова; в квартире № 25 – председателя Уральского областного исполнительного комитета Советов М. К. Ошвинцева. В этом же подъезде жил избранный после отъезда М.К. Ошвинцева в 1933 г. в Москву председатель областного исполнительного комитета В. М. Головин [11, с. 171, 173].

Всего в Свердловске было построено 4 Дома Горсовета, в которых 50% квартир предназначалось для новой советской элиты [12]. Однако идея принудительного обобществления питания привела к тому, что в проект одного из домов Горсовета в Свердловске строители не включили ни одного очага для приготовления пищи, ни хозяйственной кладовой для продуктов. Но дневной паек рабочего и члена его семьи обходился в Свердловске в то время минимум в 60-70 коп., что при составе семьи в 3-4 чел. делало переход на вынужденное пользование полным пансионом общественной столовой чрезвычайно тяжелым для семейного бюджета [14, с. 32].

В Челябинске «Городок чекистов» включал 5 домов, построенных в 1930–1934 гг. на проспекте Ленина (№ 63, 65, 67), улице Сони Кривой (№30) и Комсомольском проспекте (№ 63, 65) [7]. В Перми также были построены 7-этажный 38-квартирный «Дом чекистов», Дом Горсовета (1930 г., пересечение улиц 25 лет Октября/Большевикская, 26/51), Дом специалистов, Дом Облпрофсовета на Комсомольском проспекте. В октябре 1929–1930 г. разрабатывался проект 7-этажного жилого дома коммунального типа – «Дом одиноких» («Дом Одиночек») с отдельной котельной, жилыми ячейками на одного (10% квартир), двух (75% квартир), трех (10% квартир) и четырех чел. (5% квартир). Его планировали возвести в Перми на углу улиц Карла Маркса и Советской. На первом

этаже проектировались вестибюль (33,6 м²), подсобно-хозяйственные и другие помещения: контора хозяйственного управления, парикмахерская, красный уголок – 35,3 м², столовая на 127 посадочных мест и буфет – 130,7 м², кухня, мойка, комната отдыха (11,38 м²), две душевые, две кладовые, заготовительная, две уборные (25,38 м²), коридоры, гардероб (80,22 м²). На каждом этаже предусматривались по две комнаты дневного пребывания с террасами в 5 верхних этажах в сторону улиц и 1 общая комната дневного пребывания площадью 81,48 м², комната для уборщиков с кладовой и отдельные уборные с умывальниками. Душевые для жилых ячеек располагались через этаж (из расчета 1 душ на 33 чел.). Предполагалось, что каждый житель дома, используя душ в течение 10 минут, сможет мыться ежедневно. Со стороны двора напротив лестничных клеток были служебные балконы для чистки ковров, постелей и т.п.

Уже в ноябре 1931 г. в недостроенном доме были самовольно заселены 5, 6 и 7 этажи, при этом во входных проемах еще отсутствовали дверные полотна, в значительной части уборных, на лестничных клетках и чердаке не было стекол, а оконные переплеты плохо притворялись, что сильно охлаждало здание. Несмотря на очевидные неудобства, рабочие устроили в доме общежитие. В коридорах и части комнат были поставлены временные печи; жильцы иногда отправляли свои естественные потребности как на чердаке, так и в пустующих комнатах. Но с середины 1932 г. данный объект стал фигурировать в документах уже как гостиница [15, с. 145-147, 149-150].

В 1926 г. на каждого человека в Челябинске приходилось в среднем 4,2 м² жилой площади. Многие проживали в бараках, землянках, временках [16, с. 129–130]. В связи с нехваткой жилья в Троицке на заседании президиума Троицкого горсовета 10 мая 1928 г. было разрешено строить на восточной стороне пригорода Амур саманные постройки для беднейшего населения. Также был разработан проект и предложена смета постройки опытного бетонитового дома № 45 на улице Октябрьской¹⁰⁵. В 1928 г. в Челяб-Копях главную массу домов составляли постройки, сделанные самими рабочими, и среди них – мазанки из земли и дерна. Имелось общежитие для одиноких женщин-нацменок, где жили по 100 чел. и более. В 1928 г. лишь перед некоторыми домами были устроены выгребные ямы. В целом в этом поселке, расположенном под Челябинском, приходилось по 2,88 м² на 1 рабочего, что составляло 35% нормы [9, с. 98]. Допустимая же кубатура определялась в 7,5 м³ на чел. [10, с. 70].

«Самострой» (называемые также «нахаловками») появлялись и в столице Урала. Так, на Московском торфянике в 1927–1928 гг. без раз-

¹⁰⁵ ОГАЧО. – Ф. Р-429. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 266.

решения было построено 99 дощатых строений и 13 землянок. В августе 1928 г. по решению президиума Свердловского городского Совета все они были снесены в трехдневный срок без предоставления жилплощади поселенцам, которые квалифицировались в постановлении как лица «без определенных занятий» и торговцы. По официальным данным, в 1929 г. на 1 рабочего на Урале приходилось 4,5 м² жилья. В 1932/33 г. было дано обещание увеличить этот показатель до 6 м². В Свердловске в 1929 г. на 1 чел. в среднем приходилось 4,3 м² жилья [12]. На начало 1930 г. жилищные условия в рабочих центрах Урала оставались тяжелыми (при антисанитарном состоянии жилищ средняя площадь равнялась 3-4 м² на 1 чел.) [15, с. 146]. Весной 1930 г., с ростом Челябинского тракторостроя, размер жилой площади на человека в Челябинске сократился еще больше – с 2,4 м² до 1,3 м² [8, с. 287].

В крайне неблагоприятные условия были поставлены переселенцы. В течение 15 лет (с 1927 г.) местные органы власти планировали переселить 90 тыс. семей. Предполагаемыми территориями переселения были: Западно-Уральский район (на север Верхне-Камского округа в районы Чердынский и Ныробский); в Восточно-Уральский (на север Тагильского округа в районы Гаринский, Ивдельский, Надеждинский); в Тавдино-Тобольский (в южную часть Тобольского и Север Ибитского округов в районы Таборинский и Тавринский); в Троицкий (в составе Троицкого округа); в сборный район (который слагался из отдельных земельных участков, разбросанных на севере Тюменского и Ишимского и на юге Курганского округов)¹⁰⁶. С 1927 г. в рамках этой программы началось заселение Полтавского района. Здесь были организованы поселки № 81-82, поселок № 98, поселок № 99¹⁰⁷.

Таким образом, вплоть до середины 1930-х гг. наблюдалось столкновение тенденции к ликвидации старых семейно-бытовых условий и противоположного стремления сохранить незыблемыми устои отгороженного индивидуального семейного существования. Несмотря на провозглашаемые идеи социального равенства, появлялись социальные контрасты. Практика показала, что идеи организации бытовых коммун, основанных на добровольном самообслуживании ее членов, оказались утопическими.

¹⁰⁶ СССР по районам. Уральская область. 2-е изд. Заново переработ. и доп. / сост. О.А. Константинов / под ред. М. Б. Вольфан и Г. А. Мебуса. – М.-Л., 1928. – С. 41–42.

¹⁰⁷ ОГАЧО. – Ф. Р-429. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 207–208

Библиографический список

1. *Астафьев А.* Златоуст (краткий очерк) / ред. Е. Свет. Челябинск: ОГИЗ-Челябинск, 1947.
2. Второй Дом Советов (Екатеринбург) [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Второй_Дом_Советов_\(Екатеринбург\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Второй_Дом_Советов_(Екатеринбург)) (дата обращения: 11.08.2013)
3. *Жанен М.* Фрагменты из воспоминаний «Моя миссия в Сибири» // Данилова О. С., Краева Т. В. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. 2011. №1(35). С. 87-102.
4. Жилой комплекс «Второй Дом Советов» (Екатеринбург) [Электронный ресурс]. URL: <http://wikimapia.org/10820940/ru> (дата обращения: 11.08.2013)
5. *Иванов М. И., Булычев И. А.* Питание, быт и алкоголизм населения Калаты Свердловского округа // Уральский медицинский журнал. 1929. №5. С. 67-71.
6. *Кашина И.А.* Основные типологические объекты архитектуры авангарда // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат-лы VI Всерос. науч. конф. В 2 тт. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. Т. 1. С. 389-393.
7. Объекты культурного наследия Челябинска. Часть 10-2. Проспект Ленина и парки [Электронный ресурс]. URL: <http://chelchel-ru.livejournal.com/857213.html> (дата обращения: 11.08.2013)
8. *Прыкина Н.А., Уфимцева Т.Н.* Из истории челябинской скорой помощи // Челябинск неизвестный: Краевед. сборник. Вып. 2 Челябинск, 1998. С. 287.
9. *Пузыревский Б.Г.* Два года работы венпункта среди шахтеров (Челябинские копи)// Уральский медицинский журнал. 1930. №2-3. С. 98-103.
10. *Ранов А. И.* Жилищные условия рабочих лесозаготовок в Пермском округе // Уральский медицинский журнал. 1929. №7. С. 68-77.
11. *Рытвина Л.* Нодев Освальд Яковлевич // 37-й на Урале / ред.-сост. Л. Г. Адамова; науч. ред. Н. Н. Попов. Свердловск, 1990. С. 163-183.
12. Свердловск в 1920 – 1930-е годы [Электронный ресурс]. URL: http://uraltourist.ru/2010/11/sverdlovsk_v_1920-1930-e_gody/ (дата обращения: 11.08.2013)
13. Свердловск: справочник-путеводитель. 1983 год / сост.: Н.Н. Бердников, Р.И. Рабинович / рец. Г.П. Яшин. – Свердловск, 1983 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1983.htm> (дата обращения: 11.08.2013)
14. *Серебренников В С.* На новых путях переустройства быта // Уральский медицинский журнал. 1930. №2-3. С. 30-33.
15. *Сидякина А.А.* «Здесь жили поэты...». Фрагмент истории пермского литературного андеграунда 1980-х в процессе становления городской культурной идентичности (ул. Народовольческая, 42) // Пермский дом в истории и культуре края: Мат-лы науч.-практ. конф. 28 декабря 2008 г. / сост. и ред. Т. И. Быстрых. Пермь: ЦГБ им. А. С. Пушкина, 2008. С. 146-167.
16. *Скориков А.И.* Быт городской 1920–1930 // Челябинск. Энциклопедия / сост. С. В. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. – Челябинск, 2001. – С. 129–130.